

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	34
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	49
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.....	63
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	74
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	85
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	94
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	102
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	115
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	133
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	145
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	159
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	167
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.....	184
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.....	196
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.....	208
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.....	228
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.....	235
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.....	247
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.....	253
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.....	260
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.....	271

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	279
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.....	287
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.....	294
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.....	302
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.....	313
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.....	321
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.....	327
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.....	336
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.....	348
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.....	357
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	366
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.....	383
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.....	391
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.....	399
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.....	405
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.....	421
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.....	432
ГЛАВА Сороковая.....	443
ГЛАВА Сорок первая.....	453
ГЛАВА Сорок вторая.....	463
ГЛАВА Сорок третья.....	471
ГЛАВА Сорок четвёртая.....	483
ГЛАВА Сорок пятая.....	492
ГЛАВА Сорок шестая.....	507
ГЛАВА Сорок седьмая.....	514

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ.....	522
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ.....	535
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.....	546
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ.....	559
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ.....	567
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ.....	581
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТАЯ.....	592
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ.....	600
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ.....	612
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ.....	618
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ.....	628
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ.....	640
ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.....	650
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ.....	659
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ.....	665

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Иван Степанович Ядринцев усматривал в построенной человеком машине Божье творенье. Господь, сотворив цветок, бабочку, женскую грудь, уступил творческие свершения человеку. Тот, получив от Господа полномочия, стал рубить избы, ковать плуги, собирать из деталей часы, создавать самолёты и подводные лодки. Если изделие выполняло предназначение, — пахало землю, показывало время, вело воздушный бой, — оно приближалось к Божьему творению. Художник, вслед за инженерами, последним прикосновением придавал изделию совершенство цветка, бабочки, горного хрусталя. Художник наделял изделие красотой. Изделие становилось произведением искусства. Одухотворённый художником истребитель побеждал в воздушном бою, лодка, скользя в глубинах, уходила от противолодочного корабля и в нужной точке океана вздымала из-под воды букет термоядерных ракет.

Иван Степанович Ядринцев был дизайнер, доводил сконструированную инженерами машину до совершенства.

Такой же сконструированной машиной, непомерных размеров, было государство. Эта машина, составленная из бессчётных элементов, двигалась, дышала, давала сбои, замирала, крутилась вразнос. Она изобиловала нелепостями, поражала уродствами. И при этом несла в себе Божий замысел, поддавалась исправлению, жаждала усовершенствования. Деяниями подвижников, мучеников, ясновидцев государство стремилось к идеалу. К государству прикасались великие дизайнеры, изымали уродства, привносили гармонию. Иван

Степанович верил, что усовершенствовать государство возможно, его приближение к идеалу неотвратимо. Чертежом идеального государства служила церковная фреска с изображением Царствия Небесного.

Иван Степанович изучал математику, естественные науки, технические дисциплины. Он рисовал, писал стихи, музицировал. Копал курганы скифских царей, ловил бабочек в Африке, собирал гербарии в Саянах. Его кумирами были Леонардо да Винчи, Гумбольдт и те офицеры императорского Генерального штаба, что в обличье дервишей отправлялись на Тянь-Шань и в пустыню Гоби, составляли карты, привозили в Петербург пробы грунта, описание нравов, коллекции минералов и трав. Иногда у него возникала богоборческая мысль о несовершенстве вселенной, и ему хотелось лёгким прикосновением поправить ход светил, спирали галактик, несущиеся в мироздании спектры. Он смотрел в телескоп и становился Дизайнером Господа Бога.

Ивану Степановичу Ядринцеву было за сорок. Высокий, с прямой спиной, с гибкими мускулами, он был подвижен, скор, словно старался успеть, не опоздать, не пропустить дарованную ему чудесную возможность. И вдруг замирал, останавливался, чужая опасность. Дождался, когда опасное мгновение проскользнёт и минует. И тогда опять торопился, стремился не упустить драгоценную возможность. Его кожа была смугла, как у степняков, живущих под открытым солнцем. Лицо скуластое, с твёрдым подбородком, от безвестных предков, лежащих в кургане среди слитков и старинных монет. Глаза синие, распахнутые, будто узрели долгожданное и прекрасное, они вдруг сжимались, темнели, смотрели хищно, словно следили за резцом, вытачивающим деталь. Зрачки провозжали контур детали, её раскалённую искрящую кромку.

Теперь Иван Степанович Ядринцев находился в Музее современного искусства. Он представлял на обозрение свою инсталляцию «Милый танк». Музей размещался в старой московской электростанции с давно заглохшими роторами и паровыми котлами, но старинная эстетика здания, витающий под сводами рокот исчезнувших механизмов волновали Ядринцева. Волновала старомодная красота умерших машин.

Его проект «Милый танк» был шуткой, забавой, отдохновением после трудной работы на танковом заводе, где последним штрихом дизайнера он добивался идеальных форм танка, превращал угрюмые глыбы брони в произведение искусства. Танк, одухотворённый художником, увеличивал точность и скорость стрельбы, защитные свойства брони, как балерина, танцевал и крутился волчком, уходил под воду, выставив железную ноздрю, обретал невесомость, перелетая по воздуху рвы. «Милый танк» был создан из дров, как поленница. Башню обшивала береста. Пушкой служил туго свитый жгут сена. Катки изготовили из ивовых прутьев. Гусеницы сплели из соломы. Башню украшали сухие кленовые листья. Из пулемётных гнёзд выглядывали спелые жёлуди. «Активной бронёй» служили еловые и сосновые шишки. Такие танки обитают в лесах, соседствуя с лосями и оленями. Птицы в них выют гнёзда, дикие пчёлы приносят мёд. Танк, стоящий в музейном зале, пах, как поленница дров, как клеверный стог, как сухие ягоды малины.

Зал, где красовался «Милый танк», был пуст. Публика толпилась за закрытыми дверьми, ожидая начала презентации. Ядринцев любовался танком, вспоминая, как выбирал приготовленные для бани полешки, в берёзовой роще срезал белые лоскутья коры, подбирал под соснами похожие на ёжиков шишки, гнул колесом прутья ивы, сплетал, как «корзинных дел» мастер.

Он был в вольной не застёгнутой блузе, розовой, с раскрытым воротом рубашке. В кармане по-птичьи щебетал телефон, но Ядринцев не извлекал его.

— Привет танкистам! — Ядринцев услышал за спиной кашляющий смех, каким смеются страдающие астмой старики. Но смеялся сочный красавец, раскрывший объятая. Борта вельветового синего пиджака распахнулись, кружева на белой рубашке кипели, из-под шёлка на груди чернела кудель. — С таким танком русская армия за три дня дойдёт до Крещатика!

Леонид Семёнович Ушац, устроитель презентации, галерист, ревнитель экспериментального искусства, обнял Ядринцева, хлопая по спине сильными ладонями. Его белый лоб не имел морщин, будто его не касались горькие мысли. Чёрные блестящие волосы не ведали седины. Нос с властной горбинкой роднил с отпрысками европейских династий. Глаза жаркие, страстные, как чёрные жужжащие шмели, жадно оглядывали собеседника, словно искали место для поцелуя. Малиновые влажные губы шевелились, готовые к поцелую. Не к тому ли, что случился в сумерках Гефсиманского сада?

— Давай продадим твой танк. Я найду покупателя в Англии.

— Ты торговец оружием?

— Мы выставим «Милый танк» в Гайд-парке. Пусть ужаснётся Европа.

— Меня посадят в России. Я открываю врагу последние русские разработки.

Они посмотрели на башню из бересты, пушку из сена, гусеницы из соломы и рассмеялись. Смех Ушаца был подобен кашлю, словно в сочной моложавой плоти укрылся старик.

— Салют, господа! Специально для вас сочинил «Танковый блюз». Плач подбитого танка, — композитор и джазмен Антон Константинович Лоскутов поло-

жил на пол кожаный футляр, отворил крышку, и на синем бархате драгоценно засиял серебряный саксофон. Как морское диво, обитающее среди раковин, жемчугов и кораллов. — В прошлый раз, Ушац, ты заставил меня сочинить «Плач раненого сперматозоида».

Лоскутов толстыми, украшенными перстнем пальцами извлёк саксофон из футляра, цепко, осторожно, словно боялся, что спящее существо проснётся и ужазит.

Лоскутов был грузный, рыхлый, с короткой шеей и выпуклой грудью, которую надышал долгой игрой на саксофоне. Мясистое красное лицо пропойцы было недовольным и злым. Губы, намятые мундштуком саксофона, то сжимались в трубку, то растягивались, как резина. Щёки вдруг раздувались, на них начинала блестеть рыжая щетина. Глаза выпучивались, будто он надувал шар. Саксофон, как пойманная русалка, извивался в его руках, бил хвостом, и они целовались.

— Осточертели эти блюзы-однодневки. Хочу настоящую музыку. Чувствую, она здесь, рядом. Хочу поймать, а она улетает. Напиваюсь, думаю: «Вот она!» А она умолкает, остаётся похмелье. Услышал её во сне — великолепная, могучая! «Музыка русских глубин»! Моя, моя! Играю её во сне. Проснулся, серое утро в окне, пустая бутылка «Мартини», — Лоскутов опустил саксофон в футляр и захлопнул крышку, запер морское диво. Скрылось, утаило «музыку русских глубин».

— Ваня, Антоша, я запускаю проект! — Ушац обращал жужжащие жалящие глаза на Ядринцева и Лоскутова. Взгляд оставлял ожоги. — Проект грандиозный! «Исход»! Вся русская эмиграция, все художники, писатели, музыканты! Все, кто убежал от кремлёвского фараона, участвуют в мистерии. Выставки, литературные чтения, музыкальные фестивали. И главное представление — мюзикл «Исход». Моисей, «манна небесная»,

«тьма египетская», «земля обетованная». Есть либретто. Нужна музыка, нужен дизайн. Никакой архаики, библейской этнографии. Сверхмодерн! Лоскутов, вот тебе великая музыка! Ядринцев, вот тебе великий дизайн! — Ушац жалил чёрными сверкающими глазами, целовал воздух малиновыми губами. — Соглашайтесь! Будут большие деньги!

— Ну, слушай, Ушац, ну, зачем я буду писать твою еврейскую музыку? — Лоскутов сморщился, закрыл глаза, словно во рту его истекал соком лимон. — У России своя музыка. Она от Бога. Уеду на Валаам, буду слушать колокола, молиться, исповедоваться и услышу «музыку русских глубин»!

— Ответ антисемита. Больше не предлагаю. Слушай «музыку русских гранёных стаканов», — Ушац весело смотрел на Лоскутова, смеялся, кружева на его розовой рубашке дышали, в смехе слышался злой стариковский кашель.

— Все твои друзья, Ушац, убежали из «плена египетского». Но Россия не гробница фараонов. В России рождалась небесная музыка и небесная поэзии. Россия начинает плодоносить. Правда, Ядринцев?

Ядринцев не хотел погружаться в изнурительную распря, которая начиналась с невинных колкостей, а кончалась ненавистью, сулившей пролитие крови.

— Россия — это выжженная земля, Лоскутов. Её полили уксусом и посыпали солью. Здесь больше ничего никогда не родится. Уезжайте, спасите свои дарования. Здесь скоро начнётся русский ужас, ничего не уцелеет! — Ушац, моложавый, цветущий, вдруг сошёл на нет. Его белый безмятежный лоб покрылся морщинами. Нос обвис и обуглился. Горбинка вздулась, как кровавый волдырь. Малиновые губы стали синими. Их сотрясал страх, истоки которого таились не в нынешних днях. Скрытый в холёной упитанной плоти старик показался,

поморгал гнойными глазами и спрятался. Таким вдруг увидел Ядринцев Ушаца.

— Ну, ладно, пора начинать. «Милый танк» к параду готов!

Дверь в соседний зал распахнулась, хлынуло многолюдье, окружило танк. Охали, толкались, тянули руки, вытягивали шеи, нюхали, ощупывали бересту, щипали солому. Мерцали вспышки. Как грифы, кружили телекамеры. Знатоки современного искусства давали пояснения неофитам.

— Концептуальное искусство — это всегда жест, послание! — Ушац стискивал кулак и сжимал бицепс, демонстрируя мощь танка. Соединял большой и указательный палец, словно держал невидимую бусину, — таким драгоценным и хрупким был танк.

Ядринцев, отступив, наблюдал многолюдье. Его издеие рождало эмоции, тревожило мысли, вызывало восторг и неприятие. Его замысел одними угадывался, другими искажался, третьими перевёртывался, превращаясь в противоположность.

Дробился на множество осколков, как разбитое зеркало, и в каждом осколке отражался творец, Ядринцев, дизайнер, кудесник. Легкомысленной шуткой он будил дремлющие в людях мечтания, совершал невозможное, — мирил чудовищную машину и божественную природу.

Ядринцева заметили, окружили. Замерцали вспышки, телекамера нацелила любопытное чёрное рыльце.

— Господин Ядринцев, что вы, собственно, хотели сказать? Что русские танки — благо? Принесут украинцам запах русского хлеба, шелест русских берёз? — немолодая взвинченная дама негодовала, едко протестовала.

Ядринцев чувствовал исходящий от неё жар. Она была жаровней с запахом гари. Её плоть сгорала

в жаровне, в ней пламенел уголь. Она задышалась, раскрывала безгубый рот. Ядринцев боялся, что уголь выпадет из неё и сожжёт берестяной танк.

Он отвечал любезно, смиренно, чтобы не распалить уголь, который мог превратить сухое тело женщины в факел.

— Иван Степанович, угадал ли я ваше послание? Вы хотите сказать, что русские танки прекрасны, как весна? Там, где пройдёт русский танк, вырастают дубравы, распускаются цветы, поют соловьи? — искусствовед в рыжей блузе сладко улыбался. Его рот казался липкой карамелькой. Огромный нос напоминал акулий плавник. Стеблевидные пальцы пугали своей гибкостью.

Ядринцев отшутился, сравнил русский танк с русской печью. Видел, как диктофон в руках искусствоведа, мерцая кровавым глазком, жадно сглотнул ответ.

— Ванечка, родной, опять нас порадовал шедевром! — полная женщина подплывала, колыхаясь, как желе. Под лёгким розовым платьем не было плеч, груди, живота, только студенистое тело медузы. — Ты, Ванечка, изобразил самого себя. С виду нежный, обаятельный, в васильках и ромашках. А по сути танк, смертельно опасный. Как всё русское. Ты, Ванечка, и есть «Милый танк»! — женщина пленительно улыбнулась и уплыла, таинственно потупясь, намекая окружающим на особые отношения с Ядринцевым.

К нему продолжали подходить, разгадывали ребус берестяного танка, искали двусмысленность. Спрашивали, не содержатся ли в этом бутафорском танке секретные данные, составляющие государственную тайну?

Многие были знакомы Ядринцеву. Молодой стилист заплёл смоляные волосы множеством тугих африканских косичек, на каждой качался резной амулет. Известный кутюрье явился в одежде из новой коллекции,

выдержанной в жёлто-голубой гамме, под цвета украинского флага.

Модный режиссёр искал среди художников декоратора для экспериментального спектакля. Культурный атташе бельгийского посольства коллекционировал современное русское искусство, искал на выставках, чем пополнить коллекцию.

Все были знакомцы, обнимались, фотографировались у танка. Выставка удалась. Чёрные шмели на лице устроителя выставки радостно жужжали. Устроитель выставки был кумир. Он был мастер вечеринок, разработчик художественных проектов, продавал картины, помещал рецензии в зарубежные журналы, дружил с меценатами, помогал политикам, превращая их унылые выборы в живописные карнавалы.

Ядринцев увидел, как в зал вошла женщина в синем платье. Переступила порог, шагнула в сторону, прижалась к стене, не желая мешаться с толкучкой. Ядринцев заметил, как она приподнялась на мысках, словно хотела взлететь, и не посмела. Так птица желает оставить ветку, тянется вверх, но пугается и остается на месте. Этот остановленный порыв заметил Ядринцев и тут же забыл.

Ушац подошёл к Лоскутову.

— Антоша, даёшь «музыку русских пучин»!

Тот кивнул, извлёк из футляра саксофон. Серебряное диво, уловленное в морских пучинах, засверкало. Лоскутов схватил губами мундштук, покачал саксофон, рассылая в стороны блески. Бархатная, рыдающая музыка, густая, как мёд, полилась из серебряного кувшина. Все пьянели от сладости, слушали музыку, принесённую морским дивом.

Ушац вёл за руку женщину в синем платье. Лёгкий шёлковый подол развевался. Ушац нашёл её у стены и увлекал в зал. Она противилась, он приобнял её за

талию и подтолкнул. Ядринцев подумал, между ними существует близость, — так весело и бесцеремонно тот прижал её к себе.

Саксофон в руках Лоскутова изгибал русалочий хвост. Лоскутов обнимал русалку, целовал, нежил. Не было тучного усталого ворчуна. Был страстный обожатель, ласкавший гибкое тело, счастливчик, изловивший морское диво.

Ушац захолопал в ладоши, подал знак Лоскутову, чтобы тот играл тише. Громогласно воскликнул:

— Господа, в русской истории броневики и танки служили амвоном, с которого провозглашались новые русские эры. Владимир Ильич Ленин поднялся на броневик и возвестил о начале «красной» эры. Борис Николаевич Ельцин залез на танк и объявил рождение либеральной России. Так пусть же русский танк, он же амвон, он же эшафот, он же дыба, превратится в эстраду кабаре, где танцует прекрасная плясунья!

Ушац схватил за руку женщину в синем платье, повлёл к танку. Женщина шла неохотно. Перед ней расступились. Она стояла неподвижно, огорчённая понуканием. Ядринцев видел её удлинённое лицо с ниспадавшими вдоль щёк тёмными волосами, узкую талию, разрез платья почти до бедра.

— Смелее! — крикнул Ушац и махнул Лоскутову.

Саксофон всхлипнул и взревел по-бычьему, извергая из серебряной ноздри жаркий храп. Лоскутов раздувал щёки, пучил глаза. Он был стеклодув, выдувал огненные сосуды — чаши, вазы, кувшины. Сосуды плыли над головами, сталкивались, раскалывались, проливали водопады огня.

Женщина сбросила туфли, приподнялась на мысках, опустила. Ядринцев уловил всё то же стремление не решительной птицы. Женщина лёгким скоком взлетела на танк, мотнула головой в одну, в другую сторону. Её

волосы разметались. Плеснула белизна из разреза синего шёлка. Воздела руки и повернулась на одной ноге. Блеск голой ноги, вихрь синего шёлка, летящие по кругу тёмные, в блеске, волосы. Ядринцев счастливо ослеп. Воздух между ним и танцовщицей трепетал, плавился. Ядринцев издали целовал её, обнимал, ловил губами её голые ноги. Синий шёлк взлетел, подброшенный ветром. Казалось, расцвёл огромный синий цветок. Платье соскользнуло с плеча, и Ядринцев целовал белизну плеча. Стремился к ней сквозь стеклянный расплавленный воздух.

Она кружилась невесомо, прелестная балерина. Извивалась жгуче и бесстыдно, танцовщица ночного клуба. Топотала, щёлкала пальцами вздетых рук, словно стучала кастаньетами. Выбрасывала из-под шёлка голые ноги, и казалось, за её спиной плещет павлиний хвост.

Лоскутов играл в упоении. Угадывал её всплески и кружения. Его саксофон ревел, как бык, и она воздушно летала перед ярим хрипящим зверем. Саксофон пел медовую песню, и она казалась бабочкой, присевшей на синий цветок. Саксофон бурлил, кипел, и она дразнила его голой ногой, обнажённым плечом.

Музыка серебряной волшебной трубы, топотанье босых ног, летящие по кругу волосы, волны синего шёлка. Люди начинали раскачиваться, пьяно закрывали глаза, прихлопывали, медленно шли по кругу. Ушац жаркими глазами жёг танцовщицу, озирал опьянённый хоровод. Был чародей, опоивший толпу, погрузивший её в наркотический сон. Ядринцев был среди опьянённых. Танцовщица в синих шелках владела им, власть её была чудесна, желанна.

Плясунья присела, накрыла ноги синим шатром платья, соскользнула с танка и пропала. Ядринцев искал её и не находил.

Лоскутов не оставлял саксофон, поднял серебряный рог и пошёл вокруг танка. Все потянулись за ним. Ушац схватил за руки искусствоведа в жёлтой блузе, стилиста с африканскими косичками, повёл по кругу, приседая, выбрасывая ноги. Все повторяли его скачки, двигались по магическому кругу, издавая крики неведомых птиц и животных. Это был ритуальный хоровод загадочного племени. Оно танцевало вокруг божества, которое требовало жертву. Ядринцев стремился выпасть из хоровода, а его затыгивало. Хотел разорвать магический круг, но круг смыкался. Поющая змея извивалась в руках колдуна. Фиолетовые, как шмели, глаза Ушаца не пускали из круга.

«Спаси и помилуй!» — взмолился Ядринцев и выдрался из железного обруча, оставив на нём часть кожи.

Саксофон умолк, Лоскутов изнурённо ушёл, унося остывающий рог. Но танец длился. В хороводе хлопали, подвывали, шлёпали подошвами, подпрыгивали, ударяли танк. Выщипывали из него солому, выхватывали жёлудь и шишку. И вдруг всем скопищем ринулись на танк. Стали терзать, ломать, отдирали лоскутья коры, рвали травяную пушку, с хрустом ломали свитые из прутьев катки.

— Получай, Крещатик! Вот тебе, Украина!

Скрипело, хрустело, трещало. Разрушение танка было яростным, было священнодействием. Ядринцева страшило это упорное, неодолимое разрушение. Так разрушали города и царства, громили очаги и гробницы. Построенный из бересты танк, по замыслу Ядринцева, укрощал смертоносную боевую машину. Разрушение берестяного танка высвобождало смертоносные силы. Ядринцев присутствовал при высвобождении адских сил войны.

— К нам, к нам! — махал ему Ушац.

Ядринцеву стало холодно, он замерзал, из него спустили кровь. Его посетило помрачение. Его фантазии